

1861 г. Сиверидъ

РАЗСКАЗЫ СИБИРСКИХЪ ОХОТНИКОВЪ.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ города Улюкольска, или, полнѣе— Усть Улюкольска, Золотейской губерніи, было превосходное болото, огромное, дѣвственное,—мѣстная колыбель красной дичи, которой еще никто не стрѣлялъ, по тѣмъ причинамъ, что простой сибирскій охотникъ, большею частію, стрѣляетъ изъ винтовки исключительно дичь вѣскую—четвероногую или двуногую;—а если иногда употребляетъ онъ дробовикъ-турку (малонульное ружье), то не иначе, какъ на утокъ, куропатокъ, тетерь и рябчиковъ. Но дупеля и бекаса онъ, изъ экономіи, не станетъ бить, называя эту дичь въ общемъ смыслѣ *спренькими куличками*, и потому резервуаръ красной дичи оказался почти дѣвственнымъ.

Въ половинѣ мая, утромъ, стояло человекъ шесть-семь охотниковъ у самаго болота.

— Какъ хотите, господа,—началь одинъ серьезный охотникъ,—а я съ Пугачевскимъ на охоту не поѣду, и въ томъ даю себѣ честное слово,—ей-богу!.. Это чортъ знаетъ чтò такое! Только мы добрались до границы къ болоту, какъ вылетѣло вдругъ пары три дупелей, безъ всякаго посредства собакъ... оцѣпенѣли собаки, изумились охотники отъ внезапнаго обилія дичи... А Пугачевскій на этотъ разъ впалъ въ паеосъ—и давай валять направо, налево, назадъ и впередъ, во всевозможныя страны свѣта, нисколько не обращая вниманія на насъ,—словомъ взбѣсился...Оборони меня Богъ!.. Чтò съ нимъ сдѣлалось, объяснить не могу! Вѣдь я былъ подлѣ него. Глаза закрылъ, лицо его облилось краснотою и крупными каплями пота, запыхтѣлъ,

какъ паровозъ, и, ничего не видя и не понимая, онъ только заряжалъ и стрѣлялъ, заряжалъ, стрѣлялъ и ревелъ, какъ во снѣ отъ кошмара: «цыцъ, Мурло! цыцъ! ты пташку мнѣ принесешь.» Я вскрикнулъ отчаянно: пощади, ради самого Христа-Бога, Юзефъ Поратловичъ! Ты убьешь меня, убьешь мою собаку, убьешь всѣхъ охотниковъ, убьешь всѣхъ нашихъ собакъ и убьешь весь міръ...

— Что то есть? взревѣлъ онъ, оборотившись ко мнѣ.

— А то, что ты съ ума сошелъ,—сказалъ я.—Ты посмотри: у моей собаки въ ухѣ три дробинки бекасиннику, а у меня, въ правой ногѣ, цѣлыхъ полдюжины... Не угодно ли полюбопытствовать?

— Але я горячій охотникъ,—твердилъ онъ въ свое оправданіе.

— Да чортъ бы тебя побралъ съ твоею горячностію, отвѣчалъ я ему. Ну что ты много ли убилъ?—спросилъ я.

— Вы, говорить, помѣшали мнѣ собирать застрѣленныхъ дупелей.

— Все лжетъ, разбойникъ!—Господа! бросимъ этого сумасброда, пойдѣмъ направо, а не то онъ всѣхъ насъ перестрѣляетъ. Ваничка!—сказалъ серьезный охотникъ, взявъ за плечо юнаго охотника,—вѣдь ты готовишься въ хирурги, возьми-ка мой охотничій ножъ, вырѣжи изъ моей ноги дробинки: онѣ видны подъ кожей, потому присыпь порохомъ, да завяжи носовымъ платкомъ.

Пугачевскій поворотилъ налѣво по болоту съ своею собакою—Мурломъ, и беззаботно пѣлъ попольски какую-то пѣсню дикимъ голосистымъ басомъ. Слышны были только слова: Далѣ, далѣ, тропа въ тропу, тропа въ тропу! гопъ! гопъ! гопъ!

Всѣ охотники захохотали, услышавъ припѣвы Пугачевского.

— Что такое онъ поетъ? спросилъ раненый охотникъ своихъ товарищей.

— Это онъ поетъ охотничью пѣсню Мицкевича,—отвѣчалъ одинъ изъ охотниковъ.

Операція окончилась. Остались довольны и раненый, и импровизованный хирургъ, и другіе охотники.

— Скажите, пожалуйста,—началъ сѣдой охотникъ, обращаясь къ раненому:—зачѣмъ вамъ вздумалось пригласить съ собою на охоту этого урода Пугачевского?—Вѣдь съ нимъ никто не ѣздитъ: того и глади, что убьетъ. Посмотрите на его Мурло: его зажившихъ ранъ пересчитать невозможно, только надобно уди-

вляться живучести этого животного, по истинѣ достойнаго лучшей участи. Нужно вамъ сказать, что въ прошедшемъ году мы осенью поѣхали въ тайгу, за 30 верстѣ, за рябчиками, въ томъ числѣ и Пугачевскій, безъ всякой совѣсти навязавшійся намъ въ товарищи. Ну, тутъ-то онъ показалъ себя!... Не было никакой возможности унять его сумасбродную ретивость охотника и не было мѣры терпѣнія ни у одного охотника: чужую собаку ищейку-звѣроловку убилъ вмѣсто зайца, попалъ цѣлымъ зарядомъ рябчиковой дроби въ глазъ лошади нашего вожака, вытаращилъ глаза, забѣгалъ впередъ, путался въ густомъ ельнике, кричалъ безпрестанно, сложивъ руки надъ своею пастью въ родѣ рупора и ревелъ: гопъ, гопъ. Гдѣ вы? Куда вы запропастились? Видѣли рябчиковъ?.. А вотъ вижу я бѣлку-чернохвостку! Баць-баць! Кузьма! Епифанъ! Грыцко! бѣжите сюда скорѣе, рубите елку, тамъ застряла бѣлка между сучьями, надо достать. Вельки Боже! цо то есть? Идите сюда, а не то... «Чево ты орала, баринъ,» замѣтилъ бывший съ нами кизылецъ: «ты баринъ, ваше благородье, тутъ-ка испугалъ медвѣдь-михала, онъ ушла, медвѣдь, а мой конь, пошто глазъ пострѣлил?... Ты бы, баринъ, провалился, ты бы пропалъ! Звѣрь пошто, ваше благородье, тебя не изломала? Ты бы охотника была, надо мамонька твоя мало ломала тальникъ, а ты пошто застрѣлилъ мою собакъ—таргай? Утканъ—собака!? Утканъ—утканъ, а собака—собака; а ты баринъ, ваше благородье, тебя засѣдатель поучить, надо тебя поучить, тальнику доспѣемъ дивно, дивно! Надо учить уму, вишь ты, будь тебя язвило, ваше благородье, твоя мудреная ума!...» Послѣ этого происшествія прошло часа четыре; мы успокоились и убили паръ тридцать съ лишнимъ рябчиковъ; но одинъ изъ нашихъ товарищей замѣтилъ отсутствіе Пугачевского. Въ самомъ дѣлѣ онъ потерялся. Вдругъ послышался чрезвычайно отдаленный звукъ охотничьяго рога, ревушій какую-то бѣду, и призывающій на помощь. Это трубилъ Пугачевскій. Передъ этимъ мы видѣли огромнѣйшаго медвѣдя и, съ перваго рога, вообразилось намъ, что Пугачевскій въ опасности, что, вѣроятно, медвѣдь загналъ его на лѣсину, отъ которой звѣрь не отходитъ, и что ему, безъ нашей помощи, выхода нѣтъ изъ этого опаснаго положенія. Мы поспѣшили, по направленію, на звукъ охотничьяго рога, предварительно зарядивъ свои ружья пулями, ходили долго, но не нашли. Но вдругъ, съ противоположной стороны, зазвучалъ

рогъ Пугачевского съ такою силою, что казалось охотникъ не-далеко отъ насъ, какихъ-нибудь верстахъ въ двухъ—трехъ. Звуки дрожали, плакали, стонали, рыдали, всхлипывали, какъ будто бы съ живаго Пугачевского какой-то дьяволъ сдиралъ кожу. Мы переглянулись и рѣшили, что онъ или провалился въ охотничью яму, или ужалила его змѣя, или же, наконецъ, онъ заблудился въ тайгѣ, потому что мѣста, гдѣ мы были, прорыты самою природою оврагами и ложбинами, усѣянными густѣйшимъ ельникомъ и кедромъ, и не мудро было запутаться безъ вожака и безъ компаса. Начали мы стрѣлять на воздухъ, чтобы этимъ дать ему знать; но откликнулся онъ слабо, хрипло и опять съ противоположной стороны. На этотъ разъ звуки похожи были на предсмертные стенанія и вздохи. Мы совершенно растерялись. На вызовы его мы разстрѣляли почти весь порохъ и возвратились безъ успѣха на *таежную заимку*, откуда мы вышли и гдѣ мы оставили трехъ неизвѣстныхъ, изъ ближайшей деревни, крестьянокъ, молодыхъ бабенокъ, собиравшихъ кедровыя шишки съ орѣхами. Оказалось, что Пугачевскій возвратился на заимку еще въ полдень, волочился за бабенками, безпрестанно въ разныхъ мѣстахъ около заимки, трубилъ въ свой необыкновенной величины рогъ въ золотой оправѣ, изготовилъ самъ убитыхъ имъ двухъ рябчиковъ, съѣлъ ихъ и теперь спитъ! Ну, теперь судите сами, господа: можно ли поблагодарить его за эти форъ-штуки? мы и поблагодарили его: ружье его заклепали. Онъ бѣсился долго, отвертки же, для отвинчиванія брандурокъ, ему никто не далъ, и онъ отправился на другой день пѣшкомъ въ Усть-Улюкольскъ.

— Какъ же васъ онъ обманулъ рогомъ? Вѣдь вы сами говорите, что звуки слышны были и впереди васъ, и назади, и направо, и налѣво, какимъ же образомъ вы ошиблись?

— Очень натурально. Онъ трубилъ около заимки и звуки ходили по догамъ, которые перегибались по разнымъ направленіямъ, какъ лабиринтъ, и мы легко могли ошибаться, когда переходили лога и овраги: куда ударялся звукъ въ точку поворота лога или длиннаго оврага, оттуда онъ казался намъ яснѣе. По этому-то мы ошибались, да и трубилъ-то онъ отъ насъ верстахъ въ семи.

— Господа! довольно на этотъ разъ; теперь за дѣло!—сказалъ серьезный охотникъ;—мы должны держаться *линии*, другъ отъ друга шаговъ на сотню. Болото огромное, и мы въ недѣ-

лю его не выходимъ. Не спѣшите, впередъ не забѣгайте—это главное. Слава Богу, что нѣтъ Пугачевского съ нами. Теперь еще рано: десять часовъ. Если охота наша насъ увлечетъ и если, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, мы другъ друга растеряемъ, то все таки къ пяти часамъ приходите на сборный пунктъ за поскотину, гдѣ стоятъ наши дроги и наши лошади съ кучерами. Растеряться легко и не мудрено, вотъ, напр., въ виду у насъ кустарникъ, тамъ мокро и я навѣрное предполагаю—пропасть бекасовъ. Впрочемъ, дѣйствуйте съ благоразуміемъ и осторожностію. А потомъ, на сборномъ пунктѣ, мы пообѣдаемъ, займемся разговорцомъ, отдохнемъ, напьемся чаю и, когда солнце сядетъ, найдемъ дупелиные тока, то, пожалуй, будемъ стрѣлять хоть до зари. Съ Богомъ, пойдемъ!

Начался на болотѣ чуть не батальный огонь. Выстрѣлы болѣе и болѣе учащались; потомъ становились глуше, тише и наконецъ въ отдаленіи совсѣмъ почти замолкли. Тамъ, гдѣ-то далеко, кто-то затрубилъ тревогу и сборъ, по тому направленію, куда ушли охотники; а со стороны Пугачевского было глухо, только летѣли оттуда чайки, крошншепы и улитки, кружились въ воздухѣ и жалобно кричали о постигшемъ ихъ несчастіи. Должно быть, Пугачевскій объявилъ этимъ пернатымъ рѣшительную истребительную войну для ихъ родовъ.

Охотники дѣйствительно растерялись въ кустарникахъ. Часовъ въ пять сначала пришолъ молодой охотникъ, оказавшійся потомъ импровизованнымъ хирургомъ, усталый, мокрый и голодный.

— Епифанъ Иванычъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ одному изъ возникшихъ при охотничьихъ дрогахъ,—стащи, братъ, съ меня сапоги, вылей оттуда воду, да высуши мои чулки. Сей-часъ умру. Епифанъ, съ величайшею готовностію, стянулъ съ охотника сапоги, выжалъ носки, повѣсилъ ихъ на палочку близъ пылавшаго костра и замѣтилъ:

— Экъ вы наколотили-то, Иванъ Николаичъ! Надо быть выпустили зарядовъ полсотни.

— Пожалуй, что и больше. — Мнѣ смертельно хочется ѣсть.

— У насъ, Иванъ Николаичъ, бифстекъ есть,—только холодный.

— Дай, пожалуйста, кусочекъ.

Иванъ Николаевичъ, лежа босикомъ у костра, вздѣлъ кусокъ мяса на прутикъ, погрѣлъ въ пламени и съ жадностію проглотилъ, сказавъ: «теперь буду ожидать обѣда.»

— А что, Иванъ Николаичъ, — началъ Епифанъ: — баринъ много убилъ?

— Должно быть не мало. Я разстался съ нимъ часу во второмъ... Дичи много. — Тутъ слышно было, какъ я сборъ трубилъ?

— Какъ же: слышно было.

— Я *застрѣлилъ* твоему барину *дѣло*.

— Какъ-такъ?

— Я пашоль въ кустарникъ удавленника, должно быть давняго: все лицо изъѣдено сороками. Стоитъ на колѣнкахъ; висить на талии на ременномъ черезсѣдѣльникѣ, а за поясомъ топоръ. Вотъ, какъ я увидѣлъ, то и затрубилъ сборъ. Сошлись всѣ, смотрѣли...

— Да вѣдь это, Иванъ Николаичъ, не застѣдательская часть, — замѣтилъ Епифанъ: — эти земли Мухоморской станицы, стало быть казачье вѣдомство.

— Въ томъ-то штука, что тѣло-то за казачьей границею: въ кустарникахъ течетъ рѣчушка Корнюха, а она-то и есть граница между казаками и между государственными крестьянами.

— Экъ ее метнуло! А я думалъ, что она течетъ вонъ тамъ подъ горами. — Что жъ баринъ?

— Ничего. Говорить: окольныхъ людей вызову, найду, кто этотъ человекъ, отчего онъ удавился, или кто его удавилъ.

— Теперь, я думаю, баринъ вечеромъ не поидетъ *на тока*.

— Поидетъ, только говорить, что тебя пошлетъ въ Барзуновку къ старшинѣ, чтобы съ понятыми рано утромъ приѣхалъ поднять тѣло и положить въ холодникъ.

— Такъ-съ, теперь понимаю, — разумно заключилъ Епифанъ. — До Барзуновки всего шесть верстъ, духомъ сбѣгаю. — А вотъ вамъ, Иванъ Николаичъ, скажу по правдѣ: смерть люблю, когда ночью стрѣляютъ на болотѣ, ей-богу. Самъ не вѣдаю, чево такова со мною доспѣвается: лежу на дрогахъ, когда баринъ съ господами охотится на болотѣ, да и смотрю на полный мѣсяцъ, на всѣ звѣздочки, что ни на есть на небѣ, да и думаю: чья-то душенька живетъ на каждой звѣздочкѣ?... Думаю, думаю, и рассказать ничего не смогу, а спать тоже не могу... Такъ мнѣ, въ это время, живется тепло, славенко! Все бы глядѣлъ на небо, слушалъ выстрѣлы и лежалъ на дрогахъ хоть сто лѣтъ, и водки бы не пилъ и сѣстнаго бы ничего не употреблялъ. Кабы я былъ грамотный, я бы на-

писалъ все, что у меня есть на душѣ. Вотъ посмотрите на Грицка, кучера сѣдаго стараго засѣдателя, — вотъ теперь его баринъ, что на охотѣ, — посмотрите на Грицка! Такой лѣни- вый хохлаще, что рассказать не можно: расположился на дро- гахъ кверху мордой, да и захрапѣлъ, словно намазаная водо- возка, хоть ему очи солнце выжги, хоть шпынай ему шиломъ сзади, онъ не встанетъ: спать, какъ сурокъ. Проспится, молча напьется, натрескается, накормитъ господскихъ коней, да и за- валится куда ни попало въ сѣно. А разъ зимою отморозилъ себѣ...

— Епифанъ! — вскрикнулъ раненый засѣдатель, только что отъ болота подѣшедшій, — запрягай дроги и поѣзжай въ Барзуновку, скажи старшинѣ, чтобы собралъ своихъ понятыхъ сюда рано утромъ въ кустарникъ, поднять мертвое тѣло и положить въ холодникъ. А если этотъ удушенникъ не изъ ихней деревни, то старшина долженъ оповѣстить жителей околныхъ деревень: Бурханской, Тарханской, Далая, Балая, Курая, Попережки, Пердовой, Ямки и Щелки, да поѣзжай къ Мухоморскому ста- ничному начальнику, чтобы прѣхалъ съ своими казаками зав- тра утромъ въ Барзуновку. Ну, ступай! А теперь пообѣдаемъ безъ тебя, только предварительно высѣки бичомъ Грицка сію же минуту, а не то онъ не проснется... Ну, ладно!... Ступай, да поскорѣе возвращайся.

— Слушаю-сь, ваше благородіе, — быстро отвѣчалъ Епифанъ: — все сполюю строго, *по указу*, и ворочусь духомъ, безъ промед- ленія, только вотъ станичный начальникъ тепере-ко спать, онъ задоржить... онъ всегда спать. Онъ служилъ въ Тайгаевскѣ десять годовъ. Тамъ всѣ спятъ во всякое время, и съ-тѣхъ- поръ привыкъ навсегда спать.

— Такъ скажи урядникамъ или приказному: изъ нихъ кто- нибудь да не спать же.

Епифанъ уѣхалъ.

— Ну, ты, хохлаще, поворачивайся! вскрикнулъ засѣдатель на Грицка, чесавшаго и скубившаго собственный затылокъ и прочее. — Твой баринъ тебя пугнетъ съ своей стороны.

— А вжежь, ваше благородіе, вотъ Епихванъ пугнувъ мене пугою, та бильшь не треба, якъ то кажуть москали...

Въ это время приблизился къ костру сѣдой охотникъ — ста- рый засѣдатель, тащившій двухъ журавлей и зайца, человекъ

бодрый и сильный. Ягдташь его набить былъ вплоть красною дребеденью.

— Поздравляю васъ съ полемъ, сказалъ онъ раненому засѣдателю.

— Благодарю. Ну, а какъ вы?

— Какъ видите, ладно.

— Ну и ладно... Грицко! давай флягу съ горилкой, да и тѣе, якъ то кажутъ москали... понимаешь?

— Заразь, пану, — отвѣчалъ на этотъ разъ совершенно про-
снувшийся Грицко, испугавшись своего барина.

Еще пришли разомъ три охотника, обремененные дичью. Одинъ изъ нихъ былъ окружной стряпчій, по фамилии Перепемятко, да два столоначальника земскаго суда, оба молодые. Не доставало только одного Пугачевского, но и его вскорѣ замѣтили издалека, обвѣшаннаго какими-то бѣлыми итицами, понтирующаго по болоту важно, медленно, какъ-то церемоніально и поющаго громко польскую пѣсню.

— Что такое онъ поетъ? — сказаъ одинъ изъ охотниковъ, засмѣявшись; — онъ воспѣваетъ какую-то черную сучонку, какъ слышно.

— Нѣтъ, — замѣтилъ русскій полякъ: — это онъ поетъ не сучонку, а завѣщаніе матери дочери на счетъ черной сукенки, т. е. чернаго платица.

— Отцы мои родные! вскричалъ Ваничка; — да вѣдь это онъ наколотилъ чаекъ! — Смотрите, господа, смотрите: у него губы и борода въ крови. Неужели онъ пожиралъ ихъ сырьѣмъ?

— На что это вы, Юзефъ Поразиновичъ, — спросилъ раненый засѣдатель, — настрѣляли чаекъ?

— Але добрая дичь! отвѣчалъ онъ; — лучше дупелей и бекасовъ. Эту дичь, по вкусу, я предпочитаю всякой другой.

— Да вѣдь мясо чаекъ пахнетъ землею и рыбою?

— Какъ только убьешь чайку, въ ту жь минуту нужно ее выпотрошить, и тогда запаха никакого не будетъ.

— Отчего это у васъ, Юзефъ Поразиновичъ, губы и борода въ крови? замѣтилъ кто-то.

— У меня ножичка не было, а поэтому я потрошилъ мою дичь зубами.

Охотники чистосердечно засмѣялись.

Разостлали ковры, полегли охотники и стали обѣдать; къ

нимъ же присоединился и Пугачевскій, безъ приглашеній: онъ билъ всегда навѣрняка.

— А что, Никита Васильевичъ,—началъ старый засѣдатель, обращаясь къ новому засѣдателю, — какъ вы рассчитываете и предполагаете: удавился ли этотъ человекъ или его удавили?

— Кто удавился? кто удавился? гдѣ удавился? кто его удавилъ?—закричалъ Пугачевскій, забывъ и объѣдъ и все.

Любопытство его удовлетворили. Онъ схватилъ пирожокъ фунта въ три и въ одно мигновеніе удавился по направленію къ кустарникамъ, гдѣ висѣлъ давленникъ, а предварительно выпилъ квасной стаканъ водки.

— Чортъ бы побралъ этого неугомоннаго человекъ!—сказалъ раненый засѣдатель:—меня подстрѣлилъ, собаку мою ранилъ и общій пирогъ нашъ изъ деликатности ограбилъ, и все это учинилъ, какъ будто бы по строжайшимъ обязанностямъ службы!...

Охотники опять захохотали.

— А что же вы предполагаете, Никита Васильевичъ, насчетъ давленника?—спросилъ вновь старый засѣдатель.

— А то, что онъ удавился самъ по себѣ. Если бы какой-нибудь варнакъ-злѣйи его удавилъ, то бросилъ бы трупъ тутъ же, не вѣшая его на талину и не снравливая поставить его на колѣни. Явно и ясно, что онъ самъ удавился, вѣлѣдствіе какихъ-нибудь огорченій и обстоятельствъ.

— А, можетъ быть, чортъ замѣшался въ это дѣло,—замѣтилъ молодой охотникъ, засмѣявшись:—въ третьемъ году я былъ писемоводителемъ у участковаго засѣдателя Барышкевича, и у него, именно при мнѣ, случилось происшествіе такого рода.

— Расскажите, какъ это было?

— А вотъ какъ было. Покойникъ происходилъ изъ природныхъ крестьянъ деревни Ербиной и найденъ удавившимся на талинѣ за поскотиной. Причинъ смерти не открыто. Барышкевичъ привелъ къ присягѣ ербинскихъ крестьянъ и спросилъ ихъ: отчего покойникъ удавился? Они отвѣчали, что по этому дѣлу ничего не знаютъ и ничего не вѣдаютъ, по обыкновенію. «Какъ же это вы, ребята, не знаете, отчего онъ удавился: надобно говорить правду,» «Вы вѣдь присягали, откройте всю истину. Пожалуй, я напишу, что онъ удавился отъ неизвѣстныхъ причинъ; но его превосходительство, господинъ начальникъ губерніи, обратитъ дѣло ко мнѣ, для дополненія: изыскать

причины, вслѣдствіе коихъ онъ посягнулъ на собственную жизнь....—Ну, такъ что же вы на это скажете?»

— Да чего, ваше благородіе, ничего не знаемъ, отвѣчали хоромъ общественники.

— Можетъ быть онъ, передъ смертію, скучаль, тосковаль, грустиль?...

— Мы этого не замѣчали: человекъ онъ былъ веселый. Пошолъ въ поле за своими конямъ, да и повѣсилъ на талинѣ своей перетягою.

— Можетъ быть, онъ много вина пилъ?

— Какое, ваше благородіе! у насъ въ деревнѣ и кабака нѣту-ка, отвѣчали понятые.

— Надо быть, ваше благородіе,—отозвался одинъ изъ понятыхъ крестьянъ, — въ это дѣло вмѣшался самъ *чорный* (наше мѣсто свято!)...

— Какой *чорный*?

— Извѣстно кто, ваше благородіе: муринъ-чортъ-дьяволь....

— Почему же ты такъ полагаешь?

— А вотъ по какой причинѣ, ваше благородіе: знаете село Тасжное отъ нашей деревни верстъ за тридцать съ хвостикомъ, и тамо-ка есть кабакъ? — Вотъ, назадъ тому лѣтъ двадцать, (всѣ общественники знаютъ), пришла такая линія, что въ этомъ кабакѣ сряду за три мѣсяца повѣсились шесть цѣловальниковъ. Каждый разъ разъ набѣгали засѣдатель, дохтуръ, стряпчій тоже, приводили слѣдства, и причинъ не допытались.... Только конторскій управляющій привезъ съ собою новаго цѣловальника на мѣсто послѣдняго удавленника; только цѣловальникъ вошолъ въ кабакъ, посмотрѣлъ на стѣнки, побѣлѣлъ, какъ бѣлый миткаль, заревѣлъ и побѣжалъ вонъ... «Нѣту-ка,» говоритъ онъ, «хоша дастъ мнѣ управляющій пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ жалованья, а я не сяду въ кабакъ, тамо-ка всѣ стѣны позавѣшены новыми ременными петлями на желѣзныхъ крючьяхъ больше тысячи, значить удавками.» Управляющій, дистаночный, хрестьяне туда ходили, однако ничего не видали, кромя одного цѣловальника, онъ одинъ видѣлъ петли и крючья. Ну, послѣ этого управляющій нанялъ домъ подъ кабакъ и все dospѣлось благополучно, и старый кабакъ до сей поры стоитъ пустой, только совсѣмъ развалился.

— Правда, ваше благородіе, все правда,—подтвердили поня-

тые;—хоша поспрошайте самого питейнаго управляющаго, Петра Николаича, онъ всю правду доложить.

— Бабы сказки,—сказаль Барышкевичъ,—потому что вы—бабы и вашъ Петръ Николаичъ—старая баба.

— Вы, ваше благородіе, — началъ опять крестьянинъ—повѣствователь,—въ сумленіи и невѣроятны, а вотъ доложимъ вамъ, какъ у насъ въ понишнемъ году утонулъ нашъ же общественникъ, Павлономъ звали, при прежнемъ засѣдателѣ. Ваше благородіе извѣстны, что наша рѣка шириною болѣ полуверсты, глубина престапшійшая; а Павлонъ съ дѣвицею, своею дочерью, косиль сѣно за рѣкою, робиль тамо—ка дней съ пять, однако въ субботу пріѣхаль къ берегу верхомъ, а лодку ихнюю кто-то угналъ. Вотъ Павлонъ долго ревлѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ подалъ ему лодку (вѣтрено было), никто не прослышалъ, только онъ разоблокся, сказаль дочери, чтобы помѣшкала, пригонить тотчасъ лодку, да и пустился вплавъ на нашу сторону. Дѣвочка стоитъ, да смотреть на отца. Только доплылъ онъ до половины — какъ тутъ-ка вдругъ изъ глубины выскочила какая-то матеряющая утка, схватила Павлона впоперегъ да и утащила на дно... Такъ и пропалъ! Ужъ на четверты сутки нашли тѣло его внизу за семь верстъ, пришибло водою на косу, весь искусанный былъ покойникъ... Вотъ извольте видѣть, ваше благородіе, не сумлѣвайтесь, все справедливо. — Да еще доложу насчетъ моего покойника-тятеньки... Годовъ съ десять тому назадъ, онъ заскудался лихорадкою съ самой весны, и кажинъ день трепала его, бѣднаго, до самыхъ страдовъ... Вотъ, ваше благородіе, тятенькѣ пришло въ голову испугать лихорадку: говорить, какъ онъ слыхаль отъ старыхъ людей, покажу ей, что будто я хочу удавиться, а она меня и бросить, я ее обману. Дѣло случилось въ самые спажинки, передъ заходомъ солнца. Огурцовъ родилось дивно. Дома оставались мамонька да тятенька. Мамонька пошла доить коровъ, только тятенька долго стучаль зубами: ломала его кумуха-бѣда, да и пошолъ въ огородъ обманывать свою болѣсть; только мамонька спросила его изъ-подъ коровы: «ты куда, старикъ?» «Да чево,» сказаль тятенька: «изъѣмъ хоша огурчикъ, авось пройдетъ окаянная.» Тятенька заперъ за собою калитку, и слышитъ мамонька, что въ огородѣ кто-то хрипитъ, бросила по-дойникъ, пролила все молоко, да и бросилась въ огородъ, а старикъ-то стоитъ на колѣнкахъ съ петлею на шеѣ изъ опояс-

ки подлѣ частокола, да и хрипить, посинѣлъ весь! Мать бросилась къ нему, заревѣла на всю деревню, прибѣжала сусѣдка наша, матеряющая солдатка, разорвала на шеѣ опояску, а тятенька свалился на грядку, какъ мертвый, перенесли его въ избу, съ полчаса обливали ему голову водою и положили на постель. А какъ пришолъ въ чувства, то былъ, какъ полоумный, скудался болѣ мѣсяца, изсохъ, какъ сухая лѣсина. Ну вотъ, ваше благородіе, когда тятенька совсѣмъ образумился, лихорадка его бросила; онъ все вспомнилъ, рассказалъ такимъ образомъ: «Взялъ, говорить, свою опояску, сдѣлалъ петлю на шею, конецъ привязалъ на коль у плетня въ огородъ, перекрестился, да и сталъ на колѣнки, а тутю-ка, откуда ни возьмишь, огромнѣшая черная свинья прямо на меня, да и давай тыкать въ меня своимъ нечистымъ рыломъ... Изъ очей моихъ,—говорилъ тятенька,—горящая, пламенная полилась вода, а далѣ ничего не помню...»

— Ну, ладно, ладно,—сказалъ Барышкевичъ:—пожалуй, васъ не дослушаешь и вашихъ сказокъ; а мнѣ время дорого. — Ну ты, краснойбай, рассказывай, какъ жилъ-поживалъ теперешній удавленникъ, только безъ лишнихъ сказокъ, безъ басней, а говори мнѣ по чистой правдѣ и совѣсти, по долгу присяги, никому не нарыва, а все, что ты знаешь.

— Извольте, все скажу, доложу чистую правду, ваше благородіе. Изотъ осиротѣлъ, когда ему было 12 лѣтъ; мать его скончалась отъ горячки, а отецъ его, послѣ смерти ея, черезъ двѣ недѣли, женился на своей стряпкѣ (вдова была солдатка), и стала его мачиха ѣсть-поѣдать съ утра до вечера, въ будный день и въ праздникъ, а окромя того, по наговорамъ и по насердкѣ мачихи, отецъ колотилъ безъ зазору. Вотъ, ваше благородіе, и терпѣлъ онъ до 20 годовъ, а потомъ мачиха сгорѣла съ вина въ самый Покровъ (тѣло потрошили, слѣдство приводили), а далѣ, въ томъ же году, заскудался Изотовъ родитель, да и скончался прежде времени, хоша и померъ годовъ 70. У нихъ допрежь жила въ стряпкахъ то же солдатка, годовъ 30-ти, а ему выходило 20. Отъ отца и отъ мачихи осталось ему все,—какъ есть наследникъ, по такой причинѣ, что есть родной сынъ роднаго отца. Мачихина лопатина досталась ему же по той же причинѣ, что все имущество добылъ покойникъ, его родитель. Ну, значить все его. Такъ порѣшили наши общественники старики. Далѣ-ширѣ, ваше благородіе, жилъ онъ,

Изоть, согласно съ своею солдаткою болѣе двадцати годовъ, а прежде, въ первый годъ, родился у нихъ младенецъ мужскаго пола, вотъ тотъ самый, котораго, ваше благородіе, допрашивали (ему тепере-ко 19 годовъ). Ну, потомъ она скудалась долго и теперь скудается, почитай два года: съ кровати не встаетъ, кормятъ ее и поятъ, какъ ребенка. Извѣстное дѣло, въ страднее время не кому присмотрѣть за скудащею, а время-то золотое. — Вотъ Изоть-то покойникъ-то уѣдетъ на поля (а дома оставить сына досматривать за больною матерью), то самъ останется дома; прійдетъ домой, сына дома нѣту-ка, а ускудавшей губы пересохли, почернѣли: не кому подать водицы испить. Пошлетъ на поля сына, а онъ лыгаетъ цѣльный день. Нажметъ въ цѣлу недѣлю сотню-другу сноповъ, и оговаривается отцу, что серпъ затупился, а самъ про себя и при молодяжникахъ хвастается: «я, молъ, не вашъ общественникъ; я, говоритъ, солдаткинъ сынъ, отецъ у меня не родной; кантонистъ слѣдовать быть; меня, молъ, на будущій годъ въ солдаты возьмутъ. Такъ вотъ, ваше благородіе, Изоть-то маялся, маялся, а тут-ока подвернулся *лукавый*, ну и повѣсился.

— Понимаю, заключилъ Барышкевичъ:—давно бы вы такъ сказали всю истинную правду; а теперь дѣлу конецъ.

— Много тугъ всего бываетъ,—вмѣшался въ разговоръ старый засѣдатель,—разъ тоже и со мной было: я сначала служилъ въ Сибири комиссаромъ, а потомъ засѣдателемъ, — что одно и то же. Изъ одного богатаго семейства, именно въ моемъ участкѣ, старый хозяинъ дома найденъ удавившимся въ собственномъ его гумнѣ, стоявшимъ на колѣнкахъ. Петля была изъ веревки, привязанной къ перекладинѣ. Семейные покойника показали, что онъ гулялъ всю сырную недѣлю, опохмѣлился въ понедѣльникъ, а во вторникъ первой недѣли поста пересталъ пить, чувствовалъ себя нездоровымъ и скучалъ; наконецъ въ среду старшій сынъ нашолъ его удавившимся на старомъ гумнѣ. Слѣдствіе въ этомъ родѣ я уже окончилъ. Но случайно нашъ окружный врачъ проѣзжалъ чрезъ эту деревню я и пригласилъ его осмотрѣть тѣло на всякій случай, хотя не рассчитывалъ на это, потому что признаки смерти самоубійства были очевидны, какъ оказалось это по моему формальному слѣдствію. Осмотрѣвъ наружно тѣло, врачъ спросилъ меня: «изъ чего сдѣлана удавка?» Я отвѣчалъ: «изъ пеньковой веревки.» «Покажите!» Осмотрѣлъ тщательно удавку и

рѣшительно сказалъ: «покойникъ этотъ удушенъ постороннимъ лицомъ, а потомъ уже мертвымъ повѣшенъ.» Изумясь внезапнымъ словомъ доктора, я спросилъ его: «Не ошибаетесь ли вы, Александръ Логиновичъ?» «Нѣтъ, не ошибаюсь: видите ли синебагровый знакъ вокругъ шеи отъ удавки?» «Вижу» отвѣчалъ я. «Знакъ этотъ произошолъ отъ тонкой ременной удавки, а не отъ пеньковой толстой веревки, отъ которой на шеѣ покойника никакихъ слѣдовъ нѣтъ, потому что трупъ, послѣ удушенія былъ холоденъ и тогда уже убійца, для скрытія преступнаго дѣла, накинулъ на мертвую жертву веревочную петлю и привязалъ къ перекладинѣ, а ременную удавку скрылъ. Замѣьте, — прибавилъ докторъ: — если отыщите эту ременную удавку, на ней долженъ быть посрединѣ глухой узелъ, трудно развязываемый.

— Что жь, вы открыли преступника? — спросилъ новый засѣдатель стараго.

— Видите ли, какъ это случилось. Въ десяти верстахъ отъ этой деревни въ селѣ жилъ когда-то священникъ, теперь уже покойный, человекъ чрезвычайно смѣтливый, умный, святой жизни, и увѣщатель прозорливый, какихъ я въ жизни моей и не встрѣчалъ!.. Бывало, когда онъ увѣщавалъ оподозрѣваемаго христіанина въ сдѣланномъ преступленіи, тотъ во всемъ подробно признавался. Надобно вамъ сказать, что квартира моя была въ богатомъ домѣ удушеннаго. Сюда-то я пригласилъ священника, рассказалъ ему о содержаніи происшествія и просилъ его совѣтовъ. Онъ походилъ съ четверть часа по комнатамъ, которыя я занималъ, и вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «ваше благородіе (титулованье всяческихъ чиновниковъ, по его пониманію, входило въ сферу его обязанностей), пожалуйста сюда.» я подошолъ. Въ комнатѣ на стѣнкѣ была винтовка и свѣже разбитая натруска изъ-подъ пороху, висѣвшая на тонкомъ ременномъ мотаузѣ, на срединѣ котораго существовалъ тугой узелъ, да кромѣ того усмотрѣнъ нами прилипшій къ ремню сѣдой волосокъ изъ человѣческой бороды. Вотъ какимъ образомъ явились обличители у меня въ квартирѣ, передъ самымъ моимъ носомъ!.. Позвалъ я старшаго сына покойника въ ту же минуту и, указавъ на винтовку, спросилъ: — Чья эта винтовка? — Наша, отвѣчалъ онъ равнодушно. — А натруска чья съ ремнемъ? — Наша же, ваше благородіе. — — А отчего она разбита? — Онъ, всмотрѣвшись пристально въ разломъ натруски изумленными глазами, взглянулъ на насъ и

отвѣчалъ спокойно (явно и видимо, что это обстоятельство до сей минуты ему не было извѣстно): — Это, ваше благородіе, должно быть, работникъ нашъ, Бакумъ, попортилъ нашу натруску, да и пороку тамо-ка нѣту-ка... — А видишь ли этотъ волосокъ, прилипшій къ ремню? — Вижу. Это, ваше благородіе, надо-быть мнѣ не извѣстно.

— Ты что-то такое скрываешь? — строго замѣтилъ отецъ Петръ; — говори святую истину; волосокъ этотъ изъ бороды твоего отца?

— Должно быть, ваше благословеніе, — отвѣчалъ, поблѣднѣвъ, сынъ удушеннаго.

— У кого была натруска въ послѣднее время?

Отецъ Петръ надѣлъ эпитрахиль, взявъ крестъ, подошолъ къ отвѣтчику такъ близко, что головы ихъ почти соединялись, и громко, внятно и, какъ-то торжественно, сказалъ: «Вижу тебя насковозъ: ты въ убійствѣ своего отца не виновенъ, положи на себя крестное знаменіе и скажи предъ святымъ Распятіемъ всю истину и правду, какъ предъ Богомъ.»

— Вразумили меня, ваше благословеніе, и вы, ваше благородіе; теперь все дѣло смекаю. Работникъ нашъ Бакумъ, назадъ тому недѣли двѣ, прикормилъ и приводилъ четырехъ рысей на павшую свинью около нашего стараго гумна и каждую ночь ходилъ туда караулить ихъ, бралъ, съ нашей воли, нашу винтовку и натруску. На масляницѣ онъ добылъ одну рысь, продалъ за восемь цѣлковыхъ, и еще три рыси ходятъ на пахло до-сихъ-поръ. А далѣ ничего не знаю и не вѣдаю, и объ этомъ что онъ разломалъ нашу натруску, онъ мнѣ ничего не говорилъ, да и увидалъ о томъ только въ сію минуточку. Если онъ удавилъ нашего родителя, то, должно быть, этимъ ремнемъ. Да вотъ что, ваше благородіе, распросите-ка Бакума: отчего онъ разломалъ натруску, кто разорвалъ ремешный матоузъ и по срединѣ связалъ? Ремень былъ цѣльный, ваше благородіе. А объ остальномъ, Богъ вѣдаетъ, ничего не знаю.

— А во вторникъ на среду, гдѣ почевалъ Бакумъ?

— Почевалъ на заметѣ въ соломѣ у стараго гумна, караулилъ рысей, а потомъ утромъ, на новомъ гумнѣ, молотилъ ячмень съ работниками.

— А когда твоей отецъ ушолъ изъ дома?

— Часа за три до свѣта, надо быть послѣ третьихъ пѣтуховъ пошолъ онъ со двора, а утресь я его нашолъ на старомъ гум-

нѣ удавленнымъ, за случаемъ ходилъ туда за цѣпами, да и попалъ на кровное уголовное дѣло. На лопати, ваше благородіе, однако былъ замѣтенъ снѣгъ, какъ злодѣй его тащилъ на смерть.

Какъ только Аввакумъ вошолъ, по моему призыву, онъ видимо смѣшался и бессмысленно остановилъ свои глаза на крестѣ.

— Подойди ко мнѣ ближе,—сказалъ священникъ;—не бойся святаго креста—это наше спасеніе. Иди ближе ко мнѣ!.. Вижу тебя: ты не съ злостнымъ умысломъ и не изъ корысти удавилъ твоего хозяина, а тебя сатана оболестила...

Упалъ на колѣна Аввакумъ, зарыдалъ безъ слѣзъ, поклонился три раза въ землю предъ иконами въ святой уголь, знаменуя себя крестомъ, и вдругъ, вскочивъ на ноги, смѣло обратился ко мнѣ съ словами:—Ваше благородіе! прикажите подать мнѣ стаканъ водки: все расскажу... я виноватъ во всемъ дѣлѣ.

— За что же ты удавилъ хозяина?—спросилъ я Аввакума.

— Бѣсъ попуталъ, ваше благородіе,—отвѣчалъ онъ, проглотивъ квасной стаканъ водки;—не способенъ я на худое дѣло, а видно такъ мнѣ написано на роду... Въ понедѣльникъ хозяинъ скудался—хмѣльникъ его одолѣвалъ; опохмѣлился самъ, опохмѣлилъ работниковъ, окромѣ меня, потому что во всю масляницу вина не пилъ. Въ понедѣльникъ и во вторникъ мы возили дрова, а съ вечера высушили овинъ съ ячменемъ на новомъ гумнѣ; надо было намъ послѣ полуночи молотить, хозяинъ разбудить на работу. Вотъ, ваше благородіе, я привадилъ на падло рысей, и на масляной одну добылъ. Съ вечера во вторникъ на среду я взялъ хозяйскую винтовку и натруску съ порохомъ у пошолъ на добычу. Долго въ соломѣ я ждалъ прихода рысей, и не помню, какъ уснулъ, только слышу вдругъ кто то меня сдернулъ изъ соломы съ зарода, даже ремень отъ натруски, надѣтой черезъ плечо, лопнулъ; я и скатился на снѣгъ. Не успѣлъ, съ перваго сна, открыть очи, какъ началъ меня кто-то возить стягомъ безъ разбора... я взревѣлъ и вскочилъ... это старикъ - хозяинъ бьетъ меня стяжкомъ, да приговариваетъ: «разбойникъ! варнакъ!.. обзывалъ поркорванцомъ, кнутобойцомъ, дармоѣдомъ и подлецомъ... сталъ еще больше бить меня стягомъ, что я упалъ на снѣгъ и, озарившись, лягнулъ его ногою подъ самое луно, онъ и свалился, какъ мертвый, убитый громомъ, и началъ только дрыгать руками и ногами безъ голоса, только нѣмовалъ и хрипѣлъ... Туту-ка я такъ испугался,

что въ ухахъ у меня засвистѣло, заревѣло, въ очахъ искорки, да огнище, полымя, не взвидѣлъ я бѣлаго свѣта! Въ одно ухо трещить: «пропалъ! пропалъ!..» А въ другое: «повѣсь! повѣсь его! повѣсь!»—Я схватилъ ремень отъ натруски, связалъ его глухимъ узломъ, туго перетянулъ шею хозяина и оставилъ такъ; а въ ухо шепчетъ кто-то: «повѣсь его, повѣсь! онъ самъ удавился...» Я потащилъ мертваго въ гумно, да вспомнилъ, что ремень-то отъ хозяйской натруски, узнають... я бросился домой, отбѣжалъ сажонъ триста — лежитъ на пути старый, длинный обрывокъ аркана; я схватилъ его—да и назадъ,—а морозъ былъ сильный,—снялъ ремень съ шеи покойника, накинулъ обрывокъ, втащилъ въ самое нутро гумна и повѣсилъ на перекладину... Хотѣлъ поднять повыше, да силы меня оставили... я упалъ въ снѣгъ головою и долго, долго лежалъ... Приподнялся на ноги и вижу хозяинъ, повѣшенный мною, стоитъ на колѣнкахъ, да и говоритъ мнѣ: «возьми винтовку и натруску съ ремнемъ, ступай на новое гумно молотить ячмень!.. Ступай туда скорѣе, а не то работники узнають все дѣло,—пропадешь!... Ступай туда скорѣе! сей-часъ работники придуть!..» я схватилъ винтовку, натруску съ ремнемъ и бросился къ новому гумну, а сзади хозяинъ кричить: «скорѣе! скорѣе! прибавь шагъ! прибавь шагъ!..» Вбѣжалъ я въ гумно и тамъ увидѣлъ отъ горѣвшей соломы огонь (должно быть покойникъ, передъ смертію, разложилъ огонь для молотбы); изъ работниковъ еще никого не было, я бросился въ уголь гумна на снопы и тамо-ка сомлѣлъ...

— Отчего же натруска разбита?

— Надо быть, хозяинъ разбилъ стяжкомъ нечаянно, когда меня билъ.—Посмотрите, ваше благородіе, все тѣло у меня въ синякахъ... слава тебѣ, Господи! теперь мнѣ легко сдѣлалось на душѣ, когда во всемъ вамъ признался...

— Вотъ какимъ образомъ объяснилось это происшествіе,—заключилъ свой рассказъ старый засѣдатель.

— Злодію, злодію! погубивъ добраго человека,—промовилъ Грицко, слушавшій внимательно рассказъ своего барина.

— А ты не погубивъ челоуѣка? отозвался стряпчій Перепелятко, обращаясь къ Грицку.

— Кто погубивъ челоуѣка? я?.. Що се вы, ваше благородіе? Щобъ я погубивъ челоуѣка!..

— А Сашу подвального, помнишь, когда ты служилъ двор-

никомъ и караульщикомъ въ домѣ питейной конторы? Вѣдь ты мій землякъ!

— Чѣмъ же я виноватый?—сказалъ Грицко; нахмурился, повернулся—и ушелъ къ дрогамъ.

Охотники засмѣялись.

— Что это такое? спросили стряпчаго.

— Коли хотите, такъ послушайте:

— Этотъ Грицко поселепецъ, какъ вамъ извѣстно, лѣвтяй и притомъ подлецъ. Назадъ тому лѣтъ 12, служилъ онъ въ домѣ питейной конторы, какъ я уже сказалъ, дворникомъ и караульщикомъ. Въ то время былъ управляющимъ молодой человекъ изъ иногородныхъ купцовъ. У него были: мать-старушка, прежнихъ лѣтъ цѣловальница, да двѣ взрослые сестрицы: Мариша и Ариша. Вѣдь у насъ, въ Золотейской губерніи, управляющіе питейними конторами пользуются достодолжнымъ почтеніемъ и уваженіемъ, въ особенности въ Усть-Улюкольскѣ. Этого управляющаго звали Прокопомъ Прокоповичемъ, а какъ его фамилія—никому не извѣстно, потому что на пакетахъ съ газетами и журналами, адресованныхъ на его имя, значились надписи различныя, напр.: «*Садину*,» изъ другой редакціи — «*Гадину*,» или: «*Падину*,» или же просто: «*Гадову*.» На самомъ дѣлѣ этотъ господинъ былъ не совсѣмъ гадокъ, ибо онъ былъ управляющій, и усть-улюкольскій банкиръ, у котораго многіе занимали деньги безъ возвращеній. Слѣдовательно, онъ человекъ не гадкій, а фамилія «*Гадова*» вовсе не характеризовала его личности. По части питейной, онъ считался, не смотря на его лѣта, профессоромъ специально практическимъ и теоретическимъ, потому что былъ очень грамотенъ: читалъ почти все русскіе журналы, да кромѣ того достигъ своего положительнаго поста своими неутомимыми трудами, образцовою дѣятельностію и терпѣливымъ прохожденіемъ всѣхъ мытарствъ, начиная отъ мѣста поднощика въ кабакахъ до должности управляющаго.—Вѣдь никто не будетъ отвергать того, что каждый поднощикъ и любой цѣловальникъ суть мошенники, убѣжденные въ правотѣ своихъ дѣйствій,—а далѣе идетъ наука по питейной части *crescendo* и обращается въ мудрое знаніе систематическаго мошенничества.

— Прокопъ Прокоповичъ Гадовъ, его мамонька и его сестрицы радушно приняты были въ Усть-Улюкольскѣ у всѣхъ почетныхъ чиновачальниковъ и у всѣхъ зажиточныхъ согражданъ. Онъ одѣвался по картинкамъ мужескихъ модъ, прилагаемымъ,

кажется, при Отечественныхъ Запискахъ. Мамонка его постоянно находилась въ черной косыночкѣ, повязанной на головѣ *гарбузкомъ* по-купечески. Мариша и Ариша носили на головкахъ косыночки изъ моаре-антикъ, а остальное одѣяніе—по послѣдней модѣ, изъ разноцвѣтныхъ и роскошныхъ шолоковыхъ матерій. Мариша была шадровитая, худая, маленькая, разговорчивая и пожилая дѣвушка, гораздо старѣе 35 лѣтъ, но по лицу добрая. Ариша—дѣвушка стройная, высокая, сильная, румяная и достаточно красивая, только косая на правое око, постоянно смотрѣвшая внизъ, для скрытія природнаго недостатка, скромная, скрытная и неразговорчивая. Въ-послѣдствіи Усть-Улюкольскія дамы называли ее, разумѣется заочно, Косаную или Косицкою.

— На первый званый вечеръ городничихи, многоуважаемой и многолюбезнѣйшей Похотиныи Степановны, явился Прокопъ Прокоповичъ съ мамонькою и сестричками Маришею и Аришею. Городничиха посадила дамъ на диванъ. Прокопъ Прокоповичъ, войдя въ гостиную, обозрѣлъ дамъ и остался *своими* довольнымъ,—только немножко онъ сконфузился, когда, при всеобщемъ молчаніи, мамонька неожиданно спросила его: «однако, Прокошенька, наша ведерная въ Тобольскомъ попросторіиѣ здѣшней?»

— Охота вамъ, маменька, любопытствовать по этой части! это дѣло не женское.

— Не смотря на неловкій отвѣтъ Прокопа Прокоповича, Ириша незамѣтнымъ образомъ толкнула сзади мамоньку; но въ послѣдствіи, впрочемъ, въ теченіе званого вечера все обстояло благополучно. При прощаньи Похотиныи Степановна замѣтила дѣвицамъ Гадовымъ, что имъ надобно снять косыночки съ милыхъ головокъ и надѣть бѣлыя атласныя шляпочки съ розами или какими нибудь другими модными приличными цвѣтами.

— Прошло полгода. Иришенька вышла изъ обычной колеи своей излишней скромности и сдѣлалась довольно развязною дѣвушкою, словомъ сказать—свѣтскою *comme il faut*. Усть-улюкольскіе львы, въ числѣ четырехъ лицъ, уже начали помышлять а чемъ-то серьезномъ на счетъ Иришеньки; но судьба сдѣлала другое.

— Питейное зданіе было сотворено такимъ образомъ, что домъ изъ 9 комнатъ занималъ Прокопъ Прокоповичъ съ семействомъ, а въ двухъ-этажномъ флигелѣ заключалась канцелярія питейной конторы, съ красивыми шнуровыми книгами,—кромѣ

книги под № 4, которая хранилась исключительно у самого управляющаго, — и безсмѣннымъ оберегателемъ этихъ сокровищъ, девятнадцати-лѣтнимъ красавчикомъ Сашею.

— Грыцко былъ постояннымъ дворникомъ, бдительнымъ и неподкупнымъ стражемъ означенныхъ откупныхъ зданій, едва ли не съ основанія ихъ. По этому Прокопъ Прокоповичъ, обративъ тщательное вниманіе на дѣятельную его службу, любилъ шутить съ нимъ на счетъ его простодушія, убѣдясь въ добротѣ его и обязательномъ усердіи на вѣки, для пользы питейной конторы.

— Жалованья получалъ онъ въ мѣсяць 10 цѣлковыхъ, съ пищею отъ управляющаго — изъ кухни, или отъ повара, или отъ стряпки, смотря по расположенію духа послѣднихъ. Что же касается до питейной части — стоитъ только спуститься въ подвалъ, тутъ же на дворѣ, гдѣ очищаютъ водку, чрезъ уголь: пей сколько душей угодно, только не будь пьянъ, иначе выгонять...

— Вотъ, какъ-то раннею весною, часовъ въ 6 утра, вышелъ на дворъ въ халатѣ Прокопъ Прокоповичъ и, встрѣтивъ съ метлою Грыцка, спросилъ его на малороссійскомъ языкѣ, коверкака слова на москальскій лады.

— Се ты Грыцко?

— Я, пану, отвѣчалъ Грыцко, поклонясь въ поясъ.

— Ты што робишь?

— Хйба не бачите, пану, що я роблю? двиръ чищу, Прокипъ Прокиповичъ.

— А скажи мнѣ хохлацкую побасенку.

— Прійшовъ Прокипъ, кипыть укрыпъ; якъ при Прокипѣ кипять укрыпы, такъ безъ Прокипа кипять укрыпы. — А ну-ка скажи, панъ, ваше высокое почтеніе?

— Грыцко зароготалъ по своему; Прокопъ Прокоповичъ захохоталъ иначе, цивилизованнымъ образомъ.

— А вотъ, что я тобі буду казать, — началъ Прокопъ Прокоповичъ: — ты, Грыцко, ледащій дворникъ и ледащій караульщикъ, я не дамъ тобі жалованья бильшь пяти карбованцовъ.

— И за то тобі спасибигъ, Прокипъ Прокиповичъ, — поблагодарилъ Грыцко и поклонился ему въ ноги.

— Черезъ мѣсяць Прокопъ Прокоповичъ, при выдачѣ жалованья Грыцку, сказалъ ему, что на слѣдующій мѣсяць онъ не дастъ ему ни копѣйки жалованья, такъ какъ онъ старъ и лѣ-

нивъ; а если хочетъ остаться попрежнему дворникомъ и караульщикомъ, то можетъ жить изъ-за хлѣба.

— Благодаримъ покорно тоби, ваше высокое почтеніе, Прокипъ Прокиповичъ, за сію милость, бо я точно старый дурень, товстый кнуръ, якъ то кажутъ москали... и усимъ буду доволенъ, дармо буду жити, мени ничего не треба, тильки хлѣба да сала трошки...

— Грыцко поклонился трижды управляющему и ушолъ въ веселомъ расположеніи духа.

— Это было при мнѣ, и я, оподозривъ поведеніе моего земляка, сильно усомнился въ его безкорыстіи; но несмотря на мои изысканія и тайныя наблюденія, ничего не открылъ, хотя былъ ближайшимъ сосѣдомъ питейной конторы. Только одно я замоталъ на усъ: Грыцко, какъ караульщикъ, ночью, на конторскомъ дворѣ бьетъ въ караульную доску *дробью* съ девяти часовъ; а когда свѣчи погаснутъ въ комнатахъ управляющаго, въ питейной конторѣ, у подвального вверху и у кассира внизу, и когда всѣ люди успокоятся, Грыцко начиналъ бить въ караульную доску *дробь съ перебоемъ*. Это подозрѣніе я сообщилъ женѣ по секрету для будущихъ наблюденій, когда на случай я уѣду въ округъ. Вскорѣ, въ Троицынъ день, Грыцко проходилъ мимо моей квартиры; я постучалъ въ окно и зазвалъ его къ себѣ, поднесъ ему стаканъ горилки и спросилъ:

— А що Грыцуню, богато берешь грошей отъ Прокипа Прокиповича?

— Ничого,—отвѣчалъ онъ—два мѣсяца и ни шага.

— Якъ жъ ты живешь дармо?

— Путался, путался, да наконецъ признался мнѣ откровенно, по секрету, что ему подвальный Саша все платитъ каждый мѣсячно по 15 цѣлковыхъ, да такую же сумму Орышко Прокиповна, за то, что, когда на дворѣ всѣ уснутъ, долженъ онъ бить въ караульную доску *дробь съ перебоемъ* и тѣмъ дать имъ знать, что время настало удобное «*женихаться*». Следовательно Грыцу можно жить и безъ жалованья отъ питейной конторы!

— Такъ прошло до августа. Прокопъ Прокоповичъ позвалъ Грыцка, отсчиталъ ему всѣ деньги, которые ему причитались по 10 руб въ мѣсяцъ, поблагодарилъ его за усердіе и сказалъ, что хотѣлъ съ нимъ пошутить.

— Грыцу, Грыцу! разъ я сказалъ ему насамоти:— не было бы бѣды!?

— А мни яке дило? отвѣчалъ онъ:— хiba я родна мамуня Орышкина? трясци ихъ матерямъ! Нехай соби женихаются!..

— Гди жь воны женихаются?

— А у сарай. Бачь, тамъ богато стоять конторскихъ старыхъ и поизломапныхъ карандасовъ и повозокъ...

— Въ концѣ августа, въ одну лунную ночь, вся питейная контора, повидимому, успокоилась сладкимъ сномъ; бодрствовали только Грыцко, Саша подвальный и Орышко Прокиповна, Грыцко началъ быть въ доску дробь съ перебоемъ. Вскорѣ вышли пламенные полюбовники и, по обыкновенію, ушли въ сарай женихаться...

— На эту бѣду у Прокопа Прокоповича разболѣлись зубы. Сверкнулъ огонь въ окнахъ его кабинета, лѣнивый Грыцко этого не замѣтилъ, потому что давно уже спалъ въ сидячку подлѣ стѣны подвала и храпѣлъ во всю носовую хохлацкую завертку.

— Грыцко! Грыцко!— вскричалъ Прокопъ Прокоповичъ, вышедши на дворъ.

— Грыцко спитъ и видитъ сонъ, что онъ молодой парубокъ, пьетъ горилку въ батуринскомъ кабакѣ, то есть въ шинкѣ, и женихается съ Чернуховною.

— Грыцко! Грыцко! повторилъ Прокопъ Прокоповичъ.

— Грыцко спитъ. Онъ видитъ, что ѣсть кавунъ и челомкается съ Чернуховною...

— Въ эту минуту выскочила изъ сарая Орышко въ одной сорочкѣ, прикрытой платкомъ.

— Ты зачѣмъ была въ сараѣ? вскрикнулъ Прокопъ Прокоповичъ, грозно и страшно, забывъ зубную скорбь.

— Я, братецъ, на одну минуточку, пропищала Орышко и юркнула по крыльцу въ комнаты.

— Врѣшь, язва! заревѣлъ Прокопъ Прокоповичъ вслѣдъ за убѣжавшею Орышкой.— Грыцко! Грыцко! застоналъ онъ, какъ смертельно раненый звѣрь.

«Грыцко спитъ и видитъ во снѣ, что онъ навеселъ съ Чернуховною и ѣсть сало безъ хлѣба.»

«Подлѣ Грыцка стояло полубочье съ водою, въ которомъ торчалъ черпакъ; Прокопъ Прокоповичъ облилъ Грыцка водою съ головы до ногъ. Онъ проснулся и вскочилъ.»

— Я уже оженился и вмерь, закричалъ Грыцко голосомъ сумасшедшаго, выпучивъ глаза и ничего не понимая.

— А вотъ, я тебя образумлю, проклятый хохоль!

И вслѣдъ за тѣмъ Грыцко почувствовалъ тяжелую пощочину.

— Чого тобі треба, Прокипъ Прокиповичъ?

— Кто въ сараѣ?

— Никого нима.

— Подай фенарь, да никого не буди, подлець!

— Осмотрѣли подробно сарай и ничего не нашли, кромѣ носовой бѣленькой хустки, принадлежащей Орышкѣ и оказавшейся въ большомъ, безъ колесъ, тарантасѣ, гдѣ было измятое сѣно.

— Грыцко туго молчалъ, Прокопъ Прокоповичъ еще ту же молчалъ, только сверкалъ очами.

— Подробный обыскъ сарая производился двумя лицами въ теченіе двухъ часовъ: тамъ стараго хламу было тма тмушая.

— Прокопъ Прокоповичъ одинъ пошелъ во флигель на верхъ, ощущалъ тамъ крѣпко спящаго сторожа изъ отставныхъ макаровъ цѣловальниковъ и постель подвального Саши, оказавшуюся пустою и неизмятою.

— Гдѣ подвальный? спросилъ Грыцка Прокопъ Прокоповичъ.

— Хиба его нима?—отвѣчалъ простодушно Грыцко.

— За вопросъ на вопросъ получилъ Грыцко, въ вознагражденіе, еще двѣ тяжеловѣсныхъ пощочкины и приказаніе безусловно молчать о происшествіи...

— Послѣ этого происшествія, въ теченіе трехъ сутокъ, розыскивали по всему городу подвального Сащу, но нигдѣ и слѣдовъ его не оказалось. Объявили о неизвѣстной его отлучкѣ пронизательной усть-улюкольской градской полиціи, но и она тоже ничего не отыскала, хотя розыски производились въ присутствіи, на столѣ писмоводителя.

— Около половины сентября погода стояла, сверхъ ожиданія, теплая, и въ семь часовъ вечера въ соборной церкви, совершилось торжественное бракосочетаніе уже толстенькой Ирины Прокопьевны. Послѣ вѣнчанія, на другой день утромъ, въ квартирѣ молодыхъ выпито было 50 бутылокъ шампанскаго, а въ полдень по городу ѣхалъ повѣздъ, наполненный усть-улюкольскими дамами высокаго полѣта, у которыхъ, какъ-то нечаянно, шляпки висѣли на лентахъ и болтались назадъ или впередъ, по волѣ быстроты ѣзды или по капризамъ нѣжнаго зефира. Барыни пѣ-

ли какую-то торжественную пѣсню, изъ словъ которой слышно было только одно: «пѣли и пѣли,—пѣли и запѣли! Запѣли, пѣли,—пѣли и запѣли!..» А голосъ смотрительши тянулъ басомъ извѣстный романсъ: «Когда невинною была, то было слишкомъ ужъ давно!..» Тутъ же Грыцко пьяный стоялъ у конторскихъ воротъ и во все горло импровизировалъ на весь городъ какую-то галиматью.

— Въ концѣ сентября мѣсяца получено въ Улюкольскѣ положительное свѣдѣніе объ имени, отечествѣ и фамиліи новаго откупщика, потомка небывалаго хана Булъ-Булы-Кума-Оглы XXVIII, коллежскаго регистратора и кавалера, и о томъ, что всѣ питейныя зданія, гдѣ помѣщался управляющій и гдѣ была кассирская и питейная контора, приобрѣтены покупкою агентомъ новаго откупщика. Управляющимъ назначень не Прокопъ Прокоповичъ, а другой. Вскорѣ получилъ онъ отъ главной питейной конторы предписаніе—продать по возможно-выгодной цѣнѣ всѣ откупныя старыя тарантасы, зимнія повозки и всяческій хламъ, который значится въ подробной описи.

— Начали приводить въ извѣстность все имущество, стащили, между прочимъ, два обитыхъ желѣзомъ сундука, стоявшихъ въ сараѣ на пустомъ сѣновалѣ, когда-то взятыхъ въ обезпеченіе отъ какого-то макара-цѣловальника, не могшаго заплатить питейный штрафъ за *мошенничество*, и въ одномъ изъ сундуковъ нашли брѣнные остатки бѣднаго Саши подвального...»

— Тогда много говорили объ этомъ происшествіи. Одни полагали, что его засунули въ сундукъ силою; другіе, всего вѣрнѣе, что онъ самъ залѣзъ туда, желая спрятаться, когда Прокопъ Прокоповичъ потребовалъ отъ Грыцка фонаря, и тамъ, отъ спертаго воздуха, задохнулся, такъ какъ заржавленные крючья отъ крышки ирбитскаго сундука плотно вскочили въ свои отверстія, и Саша, будучи въ полусогбенномъ положеніи, не смогъ поднять крышки. Говорили также и о томъ, что въ ту ночь, когда потерялся Саша подвальный, Грыцко, послѣ трехъ пощочинъ, спокойно храпѣлъ подлѣ стѣнъ подвала, только не въ сидячку, а въ лежачку, и въ остальную ночь вовсе не выбивалъ на караульной доскѣ *дробь съ перебоемъ* и безъ онаго. Были и такіе выдумщики, что будто-бы Иринюшка *сомлѣла* въ церкви, во время вѣнчанія, и что будто бы въ ночь замѣчательнаго происшествія она слышала глухія стенанія изъ сарая и тихій непонятный крикъ, но будто бы Прокопъ Прокоповичъ заглушилъ

ея рыданія и плачь Мариши, бывшей тутъ же, нагайкою. За справедливость этихъ послѣднихъ заключеній я не ручаюсь, потому что самъ при этомъ не былъ, а про это больше знаетъ мой землякъ — Грыцко. — Чуешь земляче?

— На що казаты,—отвѣчалъ Грыцко;—бо пробѣжали четыре коляски на одномъ колесу, якъ то кажутъ москали.

— Подлецъ!—замѣтилъ раненый засѣдатель:—бралъ по 15 карбованцевъ съ несчастнаго Саши, а въ критическую минуту его оставилъ и захрапѣлъ!.. Подлецъ!.. Не давайте ему горилки!— Не смотри на насъ, подлецъ!..

На другой день утромъ всѣ охотники пили чай въ квартирѣ Пугачевского, въ одной большой комнатѣ, и въ другой маленькой, съ русскою печью. Пугачевскій приготовлялъ себѣ яичницу изъ яицъ чаекъ, собранныхъ имъ рано утромъ.

Барзуновскій старшина стоялъ у порога.

— Такъ никто не призналъ удавленника за своего однодеревенца или за знакомаго человѣка? спрашивалъ засѣдатель.

— Никакъ-нѣтъ, ваше благородіе, никто не призналъ. Вить облику-то на лицѣ никакого нѣту-ка, надо быть птица поизъѣла, да у насъ въ деревнѣ никто и не терялся.

— А старшинъ оповѣстилъ?

— Оповѣстилъ, ваше благородіе.

— Тѣло подняли?

— Подняли, ваше благородіе, въ холодникѣ.

— А станичный начальникъ съ казаками былъ и тѣло видѣлъ?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Да онъ еще спитъ, ваше благородіе,—доложилъ Епифанъ.

— Чортъ бы его побралъ! вскрикнулъ засѣдатель: когда же онъ выспится?

— Никогда, отозвался изъ другой комнаты Пугачевскій, пожирившій съ жадностью свою яичницу. Онъ бодрствуетъ только четыре часа въ сутки, а остальные двадцать часовъ постоянно спитъ, по привычкѣ. Вѣдь я съ нимъ служилъ въ Тайгаевскѣ, гдѣ онъ сначала былъ тысячи за полторы версты ниже Тайгаевска, а потомъ въ самомъ городѣ. Нужно вамъ сказать, что тамъ почти всѣ спятъ во всякое время дня и ночи. Я вамъ расскажу про это престранный случай.

— Только, пожалуйста, Юзефъ Поразиловичъ, побольше истины и поменьше вранья,—замѣтилъ стряпчій.

— Я вамъ расскажу доскональную истину. Назадъ тому лѣтъ двадцать, до прїѣзда моего на службу въ Тайгаевскъ, однажды, въ первой половинѣ марта мѣсяца, Тайгаевскъ былъ буквально покрытъ снѣгомъ отъ пурги и бурана; даже занесены были съ основанія до крышъ избушки, домики и домъ. Тамъ жителей обоего пола душъ триста съ небольшимъ, въ томъ числѣ кастратовъ около трети. Послѣ страшной снѣжной метели настали морозы до 40° по Реомюру, безъ сѣвернаго сіянія. На пятой недѣлѣ великаго поста мѣстный священникъ, еще до начала снѣжной бури, поѣхалъ къ берегамъ Ледовитаго моря для дальнѣйшаго просвѣщенія эскимосовъ. Выѣхалъ онъ въ трехъ нартахъ на оленяхъ, а потомъ на собакахъ, и когда такимъ образомъ прокатилъ онъ тысячи полторы верстъ, его настигъ ужасный буранъ. Съ нимъ былъ дьячокъ и два остяка. Они остановились, подлѣзли подъ нарты съ собаками, по мѣстнымъ обыкновеніямъ, и вскорѣ покрыты были снѣгомъ, подъ которымъ образовалась комната отъ дыханія четырехъ человекъ и восемнадцати собакъ. Тутъ пропитывались они сухарями, сушеною рыбою и ѣли снѣгъ, обливая послѣдній спиртомъ. Собакъ кормили тоже рыбою и сухарями, а снѣгъ собаки ѣли сами безъ спирту, потому что, какъ извѣстно по опыту, хмѣльнаго не употребляютъ. Часы отца протопона остановились, и потому, лежа съ своими товарищами, онъ сбился съ толку въ часахъ и дняхъ. Остяки объяснили, что они лежатъ подъ снѣгомъ ровно недѣлю, а протопонъ увѣрялъ себя и ихъ, что онъ съ ними пребываетъ тутъ гораздо больше. Наконецъ собаки продушали достаточное отверстіе сверху въ снѣгу и дружно выдернули нарты на поверхность, потому что въ подобныхъ случаяхъ собаки никогда не выпрягаются, иначе онѣ уйдутъ безъ нартъ и хозяевъ тотчасъ по минованіи бурана. Отецъ протопонъ рѣшился ѣхать обратно въ Тайгаевскъ, отложивъ на этотъ разъ дальнѣйшее просвѣщеніе эскимосовъ, потому что общался жителямъ этого города непременно возвратиться къ празднику, а теперь, по его разсчету, онъ долженъ воротиться домой. Отправившись въ обратный путь, долго они блуждали по снѣжной сибирской пустынѣ, совершенно растерялись во времени и мѣстностяхъ, и наконецъ, когда паявилось долго ожидаемое сѣверное сіяніе, они узнали знакомыя мѣста, а вскорѣ, чрезъ трое сутокъ, прїѣхали въ Тайгаевскъ. Это, по разсчету отца протопона, было въ субботу на страстной недѣлѣ. На другой день, послѣ

обѣдни, всё обыватели христосовались и разговѣлись скоромною рыбою на коровьемъ маслѣ, потому что во всемъ Тайгаевскѣ ни у кого изъ жителей мяснаго и молочнаго, кромѣ масла, доставляемаго за тысячу верстъ зимою одинъ разъ въ мѣсяцъ изъ города Золотейска, и кромѣ отдѣльнаго засѣдателя, владѣвшаго единственною бычачьею головою. Но, спустя трое сутокъ, пріѣхалъ изъ Золотейска чиновникъ, имѣвшій вѣрнѣйшій хронометръ и доказавшій всемъ жителямъ, что Христово Воскресенье случилось въ городѣ Тайгаевскѣ на страстной недѣлѣ въ пятницу. Это, господа, не выдуманное происшествіе, заключилъ Пугачевскій.

— Неужели ни у кого не было часовъ, у жителей!

— Какъ не быть? Часовъ было много, да отъ сырости, когда всё дома покрыты были снѣгомъ, остановились, и потому растерялись во времени. Нужно вамъ сказать, что въ Тайгаевскѣ отъ скуки всё страшно пьютъ воду со спиртомъ, для предотвращения простуды, кромѣ женщинъ и кастратовъ; и потому—мужчины напьются, начинать себя рыбою и начинаютъ спать до-тѣхъ-поръ, пока духъ бодрости насильно не сброситъ ихъ съ постелей, или голодъ. Далѣе то же самое повторяется въ теченіе восьми мѣсяцевъ, а въ остальные четыре мѣсяца спятъ меньше, но за то пьютъ больше.

— Неужели въ то время всё безъ исключенія спали, когда случилось Христово Воскресенье въ пятницу на страстной недѣлѣ?

— Кастраты, разумѣется, не всегда спали. Но вѣдь это народъ особенный: онъ заботится больше всего о себѣ; въ церковь ходятъ они рѣдко; христосоваться будутъ только съ мѣстными сильными міра мужескаго пола, а съ женщинами—никогда. Кастраты знали эту ошибку въ празднованіи дня, молчали и подтрунивали въ тихомолку. Вотъ вамъ и все. Кромѣ того, отдѣльный засѣдатель былъ человѣкъ новый, гордый, заносчивый, пилъ, ѣлъ рыбу и спалъ. Ему многіе подражали, кромѣ кастратовъ и окружного лекаря, постоянно писавшаго какія-то собственныя сочиненія и рѣдко выходившаго изъ своей квартиры. Да притомъ же онъ съ нимъ былъ въ ссорѣ и вотъ какимъ образомъ это случилось.

— За Тайгаевскомъ къ сѣверу, за полторы тысячи верстъ, жилъ когда-то анахоретъ въ домикѣ, состоявшемъ изъ маленькой комнаты и такой же кухни, около двадцати лѣтъ, и занимался

промысломъ рыбы, песцовъ и лисиць. Подлѣ его обиталища находился для инородцовъ хлѣбный магазинъ съ домикомъ, въ которомъ жилъ вахтеръ — казачій урядникъ съ женою и двумя работниками изъ ссыльныхъ. Эти единственные сосѣди жили не въ ладу, и потому рѣдко видались, развѣ ужъ тогда, когда случайно встрѣчались на рѣкѣ, Золотѣ, куда ходили за водою. Когда наступила безконечная сѣверная ночь, тогда сосѣди еще рѣже встрѣчались, а въ послѣднее время, около двухъ недѣль, урядникъ, жена его и работники совсѣмъ не видали анахорета, даже не замѣтили и слѣдовъ его по снѣгу отъ домика къ рѣкѣ. Урядникъ, взявъ фонарь, отправился къ отшельнику и нашолъ его умершимъ и уже замерзшимъ. Собаки его отоцали и одичали. Урядникъ замкнулъ двери и ворота, припечаталъ ихъ своею печатью и написалъ объ этомъ происшествіи рапортъ на имя тайгаевскаго отдѣльнаго засѣдателя... У меня есть копія, сей-часъ розыщу.

— Развѣ ты, Юзефъ Поразиловичъ, здѣсь совсѣмъ, — сказалъ стряпчій, — съ имуществомъ и съ хозяйствомъ?

— Да какое у меня имущество? Два чемодана съ платьемъ, тюфякъ, подушка, ружье, собака, да узелъ съ бѣльемъ, — вотъ все мое богатство!... На житье въ Сибири!?! — Я вѣдь теперь въ отпуску на 28 дней, и отсюда, до окончанія срока отпуска, никуда не уѣду... А вотъ вамъ точная копія съ рапорта вахтера.

«О семь репортую вашему высокоблагородію, что по обыскамъ отысканы мною три книги большущи на чужихъ народовъ языкахъ 60 песцовъ два Голубыхъ да три бурыхъ лисы одна крестовка винтовка серебрянка турецкой дробовикъ порохъ въ рошке — 26 свинцовыхъ пуль 2 пуда 17 фунтовъ вяленой стереди да высушенный жареный утканъ коропка сухарей белыи чорныи сахаръ да чай вилатке, а потъ кроватью много бумагъ вклочкахъ разорванныхъ куча кучей, Преступникъ померъ значить ваше высокоблагородіе отъ скорой смерти скончался и мнѣ о семь объявленій не призоидиль, денихъ никакихъ не нашолъ надо быть закопаль двѣ срыпки красная и черная въ сундукахъ дивно лопати немецкаго покроя пять крестовъ кавалерскихъ шкатунка полная струны да будетъ воза съ два все ноты по цѣлымъ днямъ игралъ на скрипичахъ человекъ былъ дикой да видно зналъ, скончается оболочка по праздничному рапортъ приставляю вашему высокоблагородію посылаю наро-

чнова остяка Кобеля прежде его такъ звали по имени, а говорятъ недавно на Тазу назвали Мишкой буду ждѣть ожидать Ваше Высокоблагородіе отвѣта похоронить али слѣдство будетъ на шотъ имущества по имению все замкнуто и зашчатано караулить буду самъ работники скудаются цынгою, весной пойдеть черемша поправють здоровье остяковъ не видно и нетука попался одинъ-одинъ за хлебомъ пришлоъ атиность жене въ тайгу и детишкамъ а Самъ по моему Приказу побегаль Кобель на голеницахъ Мишка прямо къ Вашему Высокоблагородію на Тайгаевскъ, а про запасъ лыжи.»

«Урядникъ смотритель Максимъ Сипкинъ.»

«Декабря 1827 года.»

№ 3,

«Убѣйскій хлебный магазейнъ.»

— Получивъ эту замѣчательную бумагу, продолжалъ Пугачевскій, засѣдатель немедленно пригласилъ лекаря и объявилъ ему, что онъ намѣренъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать чрезъ три дня на мѣсто происшестія, для производства формальнаго слѣдствія о скоропостижно-умершемъ *преступникъ*. Но врачъ положительно отказалъ въ требованіи засѣдателю.

— Какъ-же вы смѣете манкировать службою, — вскричалъ тайгаевскій засѣдатель; — у васъ молодая жена и вамъ не хочется ѣхать за полторы тысячи верстъ, для вскрытія тѣла, по важному происшествію, — я это хорошо знаю... Мнѣ самому не хочется туда ѣхать, потому что туда доведется путешествовать на оленяхъ, на собакахъ, а можетъ быть на пѣтухахъ (засѣдатель былъ къ тому же человѣкъ горячій)!... — Но я долженъ, обязанъ туда ѣхать и васъ заставлю..

— Послушайте, почтеннѣйшій господинъ, возразилъ лекарь: умѣрьте вашъ неумѣренный и неумѣстный гнѣвъ! Во первыхъ не вы мой начальникъ и не имѣете совершенно никакихъ правъ говорить мнѣ глупыя дерзости; а во вторыхъ вамъ не безызвѣстны узаконенія, что врачъ тогда только приступаетъ къ судебно-медицинскому осмотру тѣла, когда слѣдователь доставитъ ему предварительныя свѣдѣнія о смерти извѣстнаго субъекта; а кромѣ того, хотя бы вы доставили мнѣ нужныя свѣдѣнія, все-таки я не могу приступитъ къ вскрытію тѣла, потому что теперь ночь, а законъ воспрещаетъ подвергать ночью тѣла судебно-медицинскому осмотру. Когда минеть трехмѣсячная ночь и проглянетъ день, тогда я къ вашимъ услугамъ...

— Съ этими словами лекарь выпелъ, даже не поклонился горячему засѣдателю.

Въ концѣ мая мѣсяца засѣдатель и лекарь уплыли внизъ по рѣкѣ Золотею на мѣсто происшествія, произвели формальное слѣдствіе о смерти анахорета, тѣла не вскрывали по случаю совершеннаго разложенія трупа, похоронили, нашли семьдесятъ тысячъ рублей асс., въ изорванныхъ бумагахъ, подъ кроватью, помирились и сдѣлались большими друзьями, возвращаясь въ Тайгаевскъ, только вахтеръ убейскаго хлѣбнаго магазина урядникъ Сипкинъ до-сихъ-поръ упрекаетъ жену свою: «дура ты, дура — скорбина! да и я дуракъ!...»

— Прекрасный человекъ Юзефъ Поразиловичъ, сказалъ старый засѣдатель, — ей-богу! Но сколько онъ дѣлаетъ глупостей, сумасбродствъ, шалостей, изъ рукъ вонъ!!.. Когда ты исправишься? Вѣдь тебѣ сорокъ лѣтъ скоро....

— А вамъ какое дѣло до меня? — отвѣчалъ, оскорбившись, Пугачевскій. — Послѣ этого я и говорить съ вами не хочу. Прощайте! — Взявъ ружье, охотничью торбу, свиснулъ собаку и пошелъ къ дверямъ.

— Послушай, Юзефъ, — сказалъ стряпчій: — не сердись! Вѣдь даже Никита Васильевичъ на тебя не сердится, хотя ты его подстрѣлилъ. Потѣшь насъ: расскажи, какъ тебя изъ университета выпустили не кандидатомъ, а только отставнымъ студентомъ? Расскажи о Реникскъ.

Пугачевскій плюнулъ и ушелъ, не оглядываясь.

— За что онъ оскорбился? — спросили стряпчаго.

— Да вы видите, какъ это было дѣло. Во первыхъ онъ оскорбился на Василья Кузьмича за то, что онъ началъ читать ему мораль, а во вторыхъ на меня за то, что я попросилъ повторить его же рассказъ, почему онъ въ университетѣ не окончилъ курса кандидатомъ философіи.. — По жизни Пугачевского и по рассказамъ его, объ немъ опредѣлительнаго и положительнаго сказать нельзя, потому что онъ все мѣшаетъ — бѣлое съ чернымъ, правду съ ложью, — даже лжотъ больше, чѣмъ говорить правды. Онъ однажды рассказывалъ мнѣ, что убилъ на дуэли извѣстнаго русскаго поэта, всадилъ ему въ лобъ пулю, въ самый центръ; мать покойника умерла отъ горя на свѣжей могилѣ сына, и теперь совѣсть не даетъ ему покоя. Пугачевскій, при рассказѣ мнѣ объ этомъ происшествіи, такъ горько плакалъ и рыдалъ, что, ей-богу, я самъ плакалъ.. Чѣмъ же это

окончилось? Оказалось, что убитый Пугачевскимъ поэтъ до-сихъ-поръ здравъ и невредимъ; матушка его тоже благоденствуетъ. О чемъ же онъ рыдалъ и зачѣмъ онъ увлекъ меня въ сожалѣніе и довель до плача? Спросите его самого объ этомъ—онъ плюнетъ и уйдетъ.

— Въ прошедшемъ году, осенью, погода была теплая, поѣхаль я одинъ на дрожкахъ верстъ за шесть за Улюкольскъ за тетеревами, оставилъ на горкѣ кучера и лошадь, а самъ спустился въ длинный лѣсистый логъ, и вдругъ слышу громкій голосъ, поющій басомъ:

«Я, какъ пиратъ,

На все злодѣй,

И въ самый адъ

Пойду за ней!...»

— Кто же это поетъ, подумаль я. Вѣдь такихъ пѣвцовъ въ Усть-Улюкольскѣ нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ я не знаю. Подошолъ я потихоньку къ пѣвцу—и вижу изъ за лиственницы, что лежитъ Пугачевскій головою на бугоркѣ крота. Собака его—Мурло — подлѣ него, положила свою толстую красивую морду на его грудь и онъ съ нею разговариваетъ, какъ съ единственнымъ, на этотъ разъ, другомъ и товарищемъ. «Ты добрая собака, моя благородная собака! я тебя очень люблю, люблю тебя за твое усердіе, за твою преданность, за всѣ твои услуги, за тѣ раны, которыя тебѣ нанесъ по моей взбалмашной горячности...» Въ эту минуту Мурло полизаль руку хозяина. Пугачевскій тѣмъ же тономъ началъ опять: «а что, любезный, для какихъ причинъ третьяго дня вы стащили у хозяина шестнадцать фунтовъ говядины? Зачѣмъ вы это сдѣлали? Зачѣмъ вы это скрыли на сѣновалѣ и почему послѣ этого въ вашемъ желудкѣ всю ночь происходило урчаніе? Объясните-ка эти обстоятельства.» Мурло, поднявъ вверхъ полузакрытые глаза и посмотрѣвъ на лицо хозяина, вновь положилъ свою морду на грудь его, вздохнулъ тяжело, совершенно какъ человѣкъ, произнеся: охо-хо-хо-хо-хо-хо-хо!—«Притѣсняетъ хозяинъ, а обстоятельства заставляютъ иногда воровать въ крайности; надо жить честно и по правдѣ, а хозяинъ васъ не понимаетъ и васъ притѣсняетъ... Служимъ мы хорошо и усердно, но мы недостаточны, бѣдны, голодны. Надо, впрочемъ, удерживать насъ, а въ противномъ случаѣ мы сворuemъ больше шестнадцати фунтовъ говядины.» Я захохоталь во все горло. Пугачевскій вско-

чиль, Мурло и мой Манфредъ бросились другъ на друга съ лаемъ, потомъ обнюхались и стали играть по-дружески.

— Здравствуйте, Николай Николаевичъ! привѣтствовалъ онъ меня и тоже захохоталъ. — Какъ вы меня нашли здѣсь?

— Я васъ не отыскивалъ, отвѣчалъ я;—я пошолъ на охоту, да нечаянно набрелъ на васъ по вашей пѣсни пирата.

— А вы много убили косачей?

— Пары двѣ убилъ.

— А я ничего, потому что у меня нѣтъ ни пороха, ни дроби, ни пистоновъ, ни табаку, ни денегъ, даже нѣтъ водки, кромѣ горя и тоски. Дайте мнѣ хоть одно слово теплаго участія.

— Извольте, съ большою охотою. Что вамъ угодно теперь? Все для васъ сдѣлаю, если только найдутся у меня другія матеріальныя средства, кромѣ словъ теплаго участія.

— Я прилегъ подлѣ него. По моему предложенію, онъ взялъ отъ меня дюжину патроновъ, нѣсколько пистоновъ и десятокъ сигаръ, и вдругъ спросилъ:

— У васъ есть водка?

— Есть, только у кучера; онъ тамъ на горкѣ, ожидаетъ меня съ дрогами.

— Пугачевскій сложилъ руки рупоромъ надъ своимъ ртомъ, выпучилъ глаза и началъ ревѣть въ импровизованный рупоръ: го-пъ-го-пъ! го-пъ-го-пъ! На этотъ зовъ, извѣстный всѣмъ кучерамъ нашихъ охотниковъ, пріѣхалъ и мой возничій. Пугачевскій выхватилъ у него фляжку съ водкой и разомъ выпилъ половину, больше кваснаго стакана, и закусилъ сухарикомъ.

— Теперь я доволенъ, сказалъ онъ;—благодарю васъ за все.

— Какъ вы такъ поиздержались?—замѣтилъ я ему,—почтмейстеръ говорилъ, что вы, на прошедшей недѣлѣ, получили отъ вашего батюшки 50 руб. сер.

— У меня долговъ много; заплатилъ—и остался совершенно безъ гроша. А жалованье мое какое? — Безъдѣлица, якъ Бога кохамъ!

— Скажите, пожалуйста, Юзефъ Поразиловичъ, отчего вы иногда говорите и рассказываете чисто по-русски, безъ всякихъ ошибокъ, какъ коренной русакъ, а иногда вы выражаетесь какъ полякъ, только что пріѣхавшій въ Сибирь изъ Кракова?

— Я съ десятилѣтняго возраста живу между русскими, и потому изучилъ русскій языкъ основательно; а когда разгоря-

чусь, то, по забывчивости, смѣшаю всѣ языки, какіе изучилъ, во время бытности моей въ гимназіи и въ университетѣ.

— Я захохоталъ и Юзефъ Поразаловичъ тоже искренно захохоталъ, и еще при этомъ какъ-то шельмовски моргнулъ правымъ глазомъ; а я безусловно не понялъ рѣшительно никакой причины и повода моргнуть такимъ образомъ, какъ онъ моргнулъ.

— Если бы я окончилъ курсъ въ университетѣ кандидатомъ философіи, — началъ онъ, — давно былъ бы я или профессоромъ или старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій генераль-губернатора.

— Отчего же этого не случилось?

— Гмъ! отчего?... Случилось оттого, что ничего не случилось... Вотъ, послушайте доскональный, истинный случай, который вамъ начну рассказывать.

— Въ университетѣ, гдѣ я учился, когда-то былъ обыкновеннымъ профессоромъ докторъ философіи фонъ-Каце, почтенный, ученый и уважаемый мужъ, занимавшій кафедрю логики, экспериментальной и нравственной философіи и метафизики, увлекаая многихъ студентовъ хотя туманными, но краснорѣчивыми лекціями. Передъ окончаніемъ курса, студенты, желавшіе получить степень кандидата, обыкновенно, какъ извѣстно, писали диссертациі на выбранныя ими самими темы, представляя оконченныя сочиненія предварительно тому профессору, по кафедрѣ котораго написана диссертациа. Студентъ филологическаго отдѣленія изъ семинаристовъ, по фамиліи Сладкоглагольниковъ 8-й, отчаянный долбило, готовившійся на поприще педагогики, написалъ на латинскомъ языкѣ диссертацию по части метафизики: «о чистыхъ и нечистыхъ духахъ и о существованіи душъ до соединенія ихъ съ тѣлами.» Диссертациа заняла 60 листовъ бисернаго студенческаго экономическаго почерка. Замѣйте, что старикъ фонъ-Каце читалъ всѣ представляемыя ему студентами диссертациі съ германскимъ терпѣніемъ и подъ каждою диссертациею, при возвращеніи автору, подписывалъ постоянно на латинскомъ языкѣ, такъ на примѣръ: «Legi D-r von Katze: optime, или: bene, или же: laudo, а иногда просто: male, et cet., et cet., et cet.» Диссертацию Сладкоглагольникова профессоръ держалъ у себя больше трехъ мѣсяцевъ и наконецъ возвратилъ ему съ надписью внизу: «Praelegi: чепуха, et cet., et cet., et cet.: D-r von Katze.»

Сладкоглагольниковъ 8-й бросился на латинскіе лексиконы, сначала напалъ на Оому Розанова, потомъ на Кронеберга, да- лѣе на французскій Ольдекопа, на нѣмецкій Рейха, наконецъ побѣжалъ въ разныя частныя бібліотеки и въ публичную, прочиталъ тамъ всѣ словари и лексиконы на букву R, но ничего подобнаго, въ родѣ рениксы, не отыскалъ. Уставшій и бѣгавшій, въ теченіе цѣлой недѣли, по улицамъ громаднаго города, возвратился онъ, въ отчаяніи, въ пятницу на Свѣтлой недѣлѣ домой, т. е. въ университетское зданіе, легъ на свою койку и заплакалъ горько. Время было праздничное, студентовъ никого не было, одинъ только стоялъ, согнувшись въ умывальной, сторожъ, по фамиліи Псковской, курилъ люльку съ тютюномъ и выпускалъ дымъ въ открытую печь, чтобы не замѣтило могущее быть экстреннымъ явленіе инспектора или свирѣпаго субинспектора Виты.

— Послушай! началъ съ горя Сладкоглагольниковъ 8-й, обращаясь къ сторожу Псковскому, — скажи мнѣ по правдѣ, Псковской, знаешь ли ты иностранныя языки, какъ ты всегда этимъ хвастаешься?

— Якъ же не знаю языкивъ, — отвѣчалъ бойко Псковской; — я уси языки знаю, уси лекціи ваши изучивъ.

— Да гдѣ же ты изучилъ языки?

— А у Нижини. У лицеи бувъ сторожемъ бильшь пяднадцати годовъ: уси науки и языки пройшовъ, вотъ оно що!...

— А какъ по-латыни сторожъ?

— Argus, отвѣчалъ смѣло Псковской. У насъ, у лицеи, бувъ прохвессоръ, такъ винъ мни и растолковавъ. У того Аргуса було сто очей, а посему казусу переведено сіе вокабуло въ слово сторожъ, сирѣчь человекъ, имѣющій сто рожъ. Ergo: я уси науки ушалопивъ; усимъ юристамъ лекціи поправляю, бо дурни, а въ школи и въ гимнази вчились.

— Вѣдь ты малороссъ?

— Эге. Я родився въ Новыхъ Млинахъ. Хвамыля моя була «Певковецъ», а якъ завербовалы и зробили москалемъ, учалы называты Пськовскимъ, такъ и зостався.

— А знаешь ли ты, — спросилъ робко Сладкоглагольниковъ сторожа, — что такое слово *реникса* и на какомъ это языкѣ?

— Нима такого слова, рѣшительно отвѣчалъ Псковецъ. Слухай, паничъ: я у лицеи бувъ пяднадцать годовъ, да симъ годовъ теперъ у ниверситети, хожу по колидору да слушаю, що

воны кажутъ тамъ прохвисторы у каждой аудиторіи... Я уси науки пройшовъ.

— Охота тебѣ слушать этаго мазеппу—попугая, сказалъ Пугачевскій, только войдя въ эту минуту на бесѣду Сладкоглагольникова съ сторожемъ;—вѣдь это хохлацкій млинъ. Онъ меня терпѣть не можетъ.

— А якій же бисъ поправлявъ тоби лекціи, паничу? Хоба не я??

— Мовчи, попугай—мазеппа,—сказалъ Пугачевскій;—съ тебя, дурня, смѣются, а ты воображаешь, что ты ученый мужъ!... На старости лѣтъ ты лучше бы читалъ Библию.

Псковецъ обидѣлся и ушоль.

— Въ то время у меня, по обыкновенію, не было ни копѣйки, говорилъ Пугачевскій.—Послушай, сказалъ онъ Сладкоглагольникову: мнѣ хочется въ театръ; дай мнѣ въ займы три цѣлковыхъ. У тебя вѣдь есть деньги, ты скряга. Возьми мое колечко, а черезъ недѣлю, или много черезъ двѣ, возвращу тебѣ съ благодарностію. Конечно я бы отдалъ ростовщику подъ закладъ, да опасаюсь—пропадетъ, а у тебя оно будетъ цѣло, да притомъ оно стоитъ въ трое дороже 3-хъ руб. сер., дай, пожалуйста!

— Хорошо, сказалъ онъ,—съ удовольствіемъ дамъ, даже поѣду съ тобою въ театръ, но съ тѣмъ условіемъ, если ты переведешь мнѣ порусски слово «реникса.»

— Такого слова, кажется, нѣтъ ни на какомъ языкѣ, отвѣчалъ Пугачевскій;—развѣ по-санскритски? Да спреси Каровая: онъ этотъ языкъ знаетъ лучше профессора и читаетъ наизусть воплощеніе Кришны, Магобарату и Саконталу. Да на какой чортъ тебѣ это слово?—спросилъ Пугачевскій.

— Каце подписалъ это слово подъ мою диссертацией,—отвѣчалъ Сладкоглагольниковъ.

— Что за задача?—подумалъ Пугачевскій.—Покажи подпись!

Пугачевскій взглянулъ на конецъ диссертации, невольно улыбнулся и спросилъ товарища:

— Какъ ты читаешь эту надпись: по-русски или по-латыни?

— Какъ по-русски?.. Каце всегда подписываетъ на латинскомъ языкѣ.

— Всмотрись получше,—говорилъ Пугачевскій;—тутъ просто написано по-русски: «*ченуѣа*,» а не реникса, какъ ты прочиталъ по латынѣ!... Ну, давай три цѣлковыхъ!

«Сладкоглагольниковъ взялъ колечко, отдалъ Пугачевскому 3

р. с., въ театрѣ съ нимъ не поѣхалъ и сѣлъ писать новую диссертацию, подъ заглавіемъ: «Ученіе объ ангелахъ въ историческомъ смыслѣ,» по кафедрѣ Богословія.

— Что же вы думаете, Николай Николаевичъ, послѣ этого произошло? Ни за что послѣдствій не разгадаете!.. Словомъ сказать, все упало на мою несчастную голову. Передъ самымъ окончательнымъ экзаменомъ распространился слухъ, что будто бы я написалъ Сладкоглагольникову диссертацию, подъ которою профессоръ Каце написалъ «чепуха,» и мнѣ проходу не давали! Со всѣхъ сторонъ сначала шопотомъ, потомъ въ подголоса и наконецъ во всю ивановскую: чепуха! чепуха! чепуха! чепуха идетъ, чепуха сидитъ, чепуха лежитъ, чепуха ѣдетъ, чепуха намѣрена экзаменъ держать!... Все это вывело меня изъ терпѣнія, я оставилъ университетъ, подавъ просьбу на службу въ Сибирь и теперь пятнадцать лѣтъ здѣсь прозябаю..

— Ну, господа, какъ вы думаете: правду ли рассказалъ Пугачевскій, или рассказы его чистый вымысел?—заклучилъ стряпчій.

— Вреть,—сказалъ старый засѣдатель.

— Вреть,—подтвердили и прочіе въ одинъ голосъ.

Пугачевскій только махнулъ рукой и ушолъ.

II. Шафранецъ—Жацоцевичъ.